

ВОСПОМИНАНИЯ

Подробности того рокового весеннего 'солнечного дня' запомнились мне на всю жизнь...

Проснувшись утром, я стал рассказывать отцу, сидевшему за книгами у стола, свой сон. Будто бы я оказался в каком-то подземелье, забитом таинственно поблескивающими в полумраке серебряными сокровищами: вазами, ожерельями... Поражало их изобилие и многообразие. Я знал: когда мне снится серебро, то вскоре следует ждать неприятностей. Недавно после подобного сна Прасковья Михайловна - хозяйка, у которой мы снимали комнату, - во время уборки выбросила все игрушки, которые я целый месяц делал своими руками. Но отец, посмотрев на свои карманные часы, с которыми никогда не расставался, прервал мои рассуждения. Он сказал, что сегодня нам нужно быть на акафисте Пресвятой Богородице в Георгиевской церкви, и следует немедленно собираться.

Служба в церкви была торжественная, с пением хорошего хора, хотя мирян было немного. Я свободно нашел себе место в середине храма. Акафист служили семь священников, и все были мне знакомы. У всех этих пастырей мы с отцом в последнее время часто бывали дома. Клирики обсуждали содержание бумаги, которую составил отец. Мне понравилось название этой бумаги - "Декларация". Она начиналась словами: "Отцы и братья". Была и еще одна бумага, называвшаяся "Посланием", которую тоже передал кто-то из них и которую они перечитывали.

Вспомнился недавний патриархальный съезд в смоленском Успенском соборе, где я оказался вместе с отцом, с которым никогда не расставался. Съезд открыл вновь назначенный в Смоленск Высшим церковным управлением обновленческий архиепископ Алексей (Дьяконов). В памяти остались дружное громовое пение присутствующими молитвы "Царю Небесный" при открытии съезда и невероятный шум и топот ногами, когда делавший доклад священник громко произнес слова "обогранные кровью руки

здесь и буду отвлекать преследователей". Отец печально покачал головой.

В молчании мы приближались к железнодорожному переезду на Старо-Петроградской улице. И тут отец, замедлив шаг, обратился ко мне, назвав нежно, как в младенческие годы: "Василек! Пойди вперед, зайди домой, посмотри, что там делается. Я пока буду прогуливаться по этой улице и ждать тебя." Я бросился вперед, но он окликнул меня: - Постарайся незаметно вынуть из письменного стола рукописный текст "Послания" Патриарха Тихона. Оно в среднем ящике письменного стола. И принеси сюда.

Позади осталась приземистая каланча на Покровской горе. Сокращая дорогу, перелезаю через забор, лестница... В нашей комнате, точ-

живоцерковников, старавшихся придать видимость законности своим действиям. "Послание" гласило: "...Ныне же, выйдя из стен заключения, ...мы снова воспримлем Наши нервосвятительские полномочия... Вместе с тем мы призываем всех епископов, иереев и верных чад Церкви, которые в сознании своего долга мужественно стояли за Богоустановленный порядок церковной жизни, и просим оказать Нам содействие в деле умиротворения Церкви своими советами и трудами, а паншаче молитвами Создателя всех..."

Найди отца, я передал ему "Послание". Теперь мы решительно шагали, казалось, на самую Голгофу. Но это еще не была Голгофа.

Я вошел в комнату через несколько минут вслед за отцом. Там были понятые: соседи и хозяйка дома. Старший военный уже производил обыск, перелистывая все книги и тщательно просматривая

изошел инцидент, всколыхнувший весь город. Вели под конвоем небольшую группу арестантов. Достигли Базарной площади, где толпилось много народа. Внимание людей привлек находившийся среди заключенных седой человек в рясе и скуфье. Старик громко и четко говорил на ходу, обращаясь к конвою. Он толковал о разграблении собранного поколениями верующих имущества церковей и монастырей, об осквернении храмов, о невинно проливаемой крови. Толпа вокруг росла. Когда проходили мимо Нижне-Никольской церкви, кто-то из богомольцев крикнул, что это архиепископ Макарий, которого неизвестно почему привезли в Смоленск из соседнего города. А над людьми гремели слова из Священного Писания: "Взыщется от вас всякая кровь праведная, вами проливаемая, и от меча погибнете сами вы, взявшие меч"... После этого события долго волновались веру-

других, и у него больше, чем у других, ветер развевал край рясы.

Уже рассвело, когда я добрался до домика моей тети на Трехбратском переулке. При виде меня она всплеснула руками, вскричала: "Что случилось?" Обнимаю ее и почему-то с улыбкой говорю:

- Папу арестовали.

И только услышав свой голос, вдруг с рыданием упал тете на грудь. В один момент вдруг стал взрослым, и настоящее предстало передо мною как неумолимая реальность.

На следующий день утром теть Ануто собрала какие-то продукты, я наломал букет сирени с буйно цветущего у забора тетинного дома куста, и мы отправились в так называемую верхнюю тюрьму, расположенную на окраине города за костелом и польским кладбищем. У окошечка вблизи ворот толпились люди - в основном, женщины. Долго наводили справки у дежурного, после чего у нас приняли передачу и мою записку отцу. Пока ждали, разглядел впервые увиденную "темницу". Это сооружение, прозванное "американкой", было построено еще до революции по последнему слову тогдашней тюремной техники. В отличие от нижней тюрьмы, окна этого здания были отгорожены от внешнего мира высокой кирпичной стеной, делавшей их недоступными для людей, находящихся снаружи. По своему виду стена резко отличалась от всех городских построек и, несмотря на свою "современность", осталась в памяти как нечто злоеющее и средневековое. Наконец дежурный окликнул нас и передал записку отцу. С радостью и невольными слезами я прочитал тете несколько дорогих строчек, написанных его каллиграфическим почерком. Он сообщил, что чувствует себя хорошо, надеется скоро обнять меня.

Слухи об аресте священников быстро распространились по городу. Когда через несколько дней после ареста отца явился в школу, в классе воцарилась необычная тишина. В перерыве ко мне подошел малосимпатичный, пахальный ученик Морозов, обычно обижавший всех более слабых, и в том числе меня. На этот раз он необычным для него ласковым полуселомотом

ПЯТЬ ЧАСОВ В ЧК

нее, в отделенной занавеской части комнаты, уже было два человека. У входа на табуретке - высокий солдат с зелеными нашивками и с винтовкой в руках. Лицо, выражающее полное безразличие, изъедено оспой. У окна - невысокий военный с черными петлицами, на каждой по четыре "кубика": знаки различия командного артиллерийского состава.

Мой приход вывел офицера из томительного ожидания.

- Ты сын хозяйки этой комнаты? Отец скоро придет?

- Да, скоро, сам его жду.

ющие смоляне, особенно когда узнали, что владыка Макарий расстрелян за Братским кладбищем. На могиле страдотерпца долго возжигались свечи.

Так было в те времена, когда смоленская ЧК еще не располагала ни "черными воронами", ни громадным бетонным зданием НКВД в Красноармейской слободе с оборудованными для пыток и расстрелов подвалами, ни большим полигоном при доме отдыха НКВД "Борок" в Катюши, где производились расстрелы и захоронения. И тогда нас даже вели не под конвоем по середине улицы, а по тротуару в сопровождении лишь одного военного, вежливо сообщавшего нам, когда нужно повернуть направо или налево.

Арку Никольских ворот прошли уже в сумерках. А вот и приземная дома ЧК. За барьером - дежурный, в середине комнаты - круглый стол, на котором лежали журналы. В комнате уже сидел отец Яков Четыркин. Одного за другим

не стихал, несмотря на усилия председателя. Затем отец Петр Чельцов стал читать "Декларацию". Она заканчивалась словами: "Мы, члены группы священников Смоленска (шло перечисление всех участников сегодняшнего богослужения), объявляем о своей верности Патриарху Тихону, истинному главе Церкви, и призываем последовать нашему примеру всех членов съезда". Последовало гробовое молчание, нарушенное словами председателя: "Отец Петр, это вы писали бумагу? - "Нет, но это мое мнение и всех подписавших", - ответил отец Петр.

- Как у вас оказалось это никому не известное "Послание" бывшего Патриарха Тихона, на которое вы ссылаетесь, можете ли показать его мне?

- У меня нет "Послания", но я его читал.

- Хорошо. Прошу оставить "Декларацию" для изучения и общения к материалам съезда...

В приподнятом настроении мы с отцом возвращались с богослужения домой. Радовали яркое солнце и зеленые весенние листочки деревьев. Вспоминалось только что слышанное "Всякое дыхание да хвалит Господа". Но вдруг кто-то окликнул отца. Оглянувшись, я увидел молодую женщину, которая жила в одном доме с нами. Она негромко, но четко и спокойно произнесла: "Отец Иван, дома вас ожидают из Особого отдела". Тогда все знали, что такое Особый отдел ЧК. Даже неожиданный разрыв снаряда произвел бы на меня меньшее впечатление, чем услышанные слова. Но отец посмотрел на меня спокойно и внимательно. Это ободрило, но вдруг я вспомнил, что во время гонений на первых христиан многие из них скрывались от гонителей. Я предложил отцу свернуть на вокзал и уехать в Москву к тете Аюте. "А ты?" - спросил отец. - "А я останусь

Военный солдат солдат, чтобы тот не отлучался, а сам пошел в находившуюся поблизости пожарную часть позвонить по телефону. Я прошелся по комнате, поправил стулья, стал наводить порядок на письменном столе. Волнуясь, выдвинул средний ящик. В правом отделении сверху - сложенная вчетверо пачка листов. Вынимаю, медленно разворачиваю листы, исписанные с двух сторон крупным размашистым почерком. На последней странице различаю слова "Благословение Господне да будет со всеми вами", и в конце мелькнуло: "Тихон".

Я покосился на солдата, но тот был занят грязным пятном на левом сапоге. Я закрыл ящик, достал школьную книжку, вынул закладку у заданного для учения стихотворения (помню, оно начиналось словами "...Мой сын, я умираю, на то, знать, власть Творца...") и на ее место положил текст патриаршего "Послания".

Когда вернулся старший военный, я показал книжку, спросил разрешения пойти к товарищу, узнать заданные уроки. Тот кивнул головой, и я с драгоценной ношей ринулся к отцу.

Много позже я досконально узнал содержание "Послания", написанного Патриархом в Донском монастыре после его освобождения из заключения. В нем сообщались обстоятельства коварного отстранения Первоиерарха от дел с привлечением группы так называемых живоцерковников, говорилось о лишении его возможности управления: "...Этим воспользовались честолюбивые и сводольные люди, дабы войти во двор овчий не дверями, а перелезая и нуде" (Ин. 10, 1), чтобы захватить не принадлежащую им высшую церковную власть. В "Послании" анализировались действия

бумаги. Затем начал составлять что-то вроде протокола, а я, выглядывая из-за плеча отца, читал этот текст. Там значилось, что на основании ордера в квартире И. Д. Соколова были произведены обыск и арест. Увидев последнее слово, я громко заплакал. Военный предложил отцу одеваться и следовать за ним. Отец сначала пытался успокоить меня, но безуспешно. Тогда он сказал военному, что не может оставить мальчика в таком состоянии одного и просит разрешения взять с собою. Военный подумал и кивнул в знак согласия. Мы вышли на улицу: впереди солдат с винтовкой, затем мы с отцом. Замыкавший шествие офицер не ожидал встретить на улице толпу взволнованных людей и явно нервничал. Техника ночных арестов тогда еще не была отработана. И поскольку продолжали встречаться недоумевающие знакомые, офицер принял благоразумное решение: отпустил вооруженного солдата, нам же предложил идти не впереди, а рядом с собой. Иногда, если кто-нибудь приветствовал отца, он даже несколько отставал...

В этот весенний вечер на улицах было много гуляющих. Они смеялись, веселились, а мы пересекли базарную площадь, пошли по Нижне-Никольской улице: традиционный арестантский тракт... От нижней тюрьмы или от вокзала в верхнюю тюрьму и в ЧК. Обычно арестантов водили по проезжей части улицы группами в сопровождении вооруженных солдат.

Такое зрелище для горожан было привычным и не вызвало особых реакций. Однако, как рассказывали, года полтора назад про-

водили других знакомых священников. Все арестованные сидели смиренно. Только один отец Леонид Смирнов как ни в чем не бывало брал со стола газеты и журналы и читал их.

Внезапно дежурный по телефону назвал фамилию отца, упомянув о мальчике. Я понял, что речь шла обо мне. Появилась шальная мысль, что нас с отцом отпустят: скажут, что нельзя, дескать, бросать мальчика ночью одного, и пожелают нам счастливого пути. Но уже большие настенные часы показывали два часа ночи, а нас не отпускали. Вдруг раздался лягз винтовки, появилось несколько красноармейцев. Раздалась команда. Все встали, отец сказал, чтобы я шел с ним рядом. Вышли на пустынную Никольскую улицу. На середине булыжной мостовой арестованных построили, и я оказался внутри конвой рядом с отцом. Прощесия тянулась в направлении Тенешевского музея, по безлюдным улицам звучно разносились удары сапог красноармейцев. Вдали замаячили готические контуры польского костела. И вдруг, как молния, пронзила мысль: ведь там, за костелом, Братское кладбище, и там нас расстреляют. Кровь бросилась в голову. Захотелось, подобно архиепископу Макарию, кричать солдатам на всю площадь, на весь мир: "Взыщется от вас всякая кровь праведная, вами проливаемая!".

Но в этот момент раздалась команда старшего по конвою. Все остановились. Старший что-то сказал отцу. Тот обнял меня, отдал немного денег и, перекрестив, сказал, чтобы я отправился к тете.

Я стоял, как вкопанный, а процессия тронулась дальше. Группа арестантов уходила вдаль. Почему мое внимание сосредоточилось на крайней в группе коротенькой фигуре - сухоньком старичке отце Николае Лебедеве. Он шагал чаще

спросил. Как это было. После окончания урока учительница попросила меня зайти в учительскую. Обычно строгая и малословная Анна Васильевна Базилевская написала на листке бумаги адрес и, неожиданно тепло посмотрев на меня, предложила в ближайшее воскресенье прийти к ней домой. В назначенное время я пришел к ней. Очень стеснялся, однако она встретила меня радушно, представила своему мужу и его матери - сгорбленной, очень ласковой старушке.

В этой семье я и потом постоянно получал крепкую моральную поддержку.

Помогали и другие люди. А помощь так была нужна: ведь все происшедшее не прошло даром для моего здоровья - вскоре я заболел менингитом.

Как оказалось, "Послание" Патриарха было обнаружено при обыске лишь у одного из арестованных священников. Он и поплатился больше других: был сослан на Соловки. Остальных, включая моего отца, вскоре освободили. Тогда я никак не подозревал о масштабах опасности для моего отца, предотвращенной мною, когда, выйдя из охраняемой комнаты, вынес оттуда "крамольное" "Послание". Вскоре по возвращении из тюрьмы мой отец получил это "Послание" из рук соседки. Она сказала, что отец обронил пакет, проходя мимо ее двери в день ареста.

В. СОКОЛОВ,
профессор,
доктор технических наук

От редакции.
Отец автора этого материала,
протоиерей Иоанн Соколов,
был расстрелян
28 ноября 1937 года
в Семипалатинске.